

РОССИЙСКИЕ ФИЛОСОФЫ В «ЛАБИРИНТЕ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ»

В.И. ПРЖИЛЕНСКИЙ

Впечатления о поездке по Транссибу неожиданным, а порой и причудливым образом соединились с воспоминаниями и мыслями о прошедшем XXII Всемирном философском конгрессе в Сеуле, участником которого я был. Поездка носила статус культурно-просветительской акции и называлась «философским поездом», что, в общем-то, соответствовало действительности. Более полусотни участников конгресса вместе с присоединившимися уже в России философами, политологами, журналистами и другими участниками акции проехали на поезде от Владивостока до Москвы, останавливаясь во всех крупных городах (республиканских, краевых и областных центрах) и участвуя там в приуроченных к данному мероприятию конференциях, круглых столах, семинарах. Когда же приходилось долго не выходить из поезда, то в специально оборудованном вагоне оперативно организовывались круглые столы и теоретические дискуссии. В числе участников акции были и иностранцы, которые отправились в Россию из Сеула и проехали по Транссибу до самой Москвы. Таким образом, в акции были представлены такие страны, как Корея, Китай, Турция, Словения, ФРГ, Испания.

Начну с первого мероприятия и сразу же оговорюсь: на всемирном философском конгрессе я впервые. Очень интересное и нужное мероприятие, позволяющее его участникам переосмыслить если не саму философию, то представление о философской жизни в разных странах, культурах, цивилизациях. Казалось бы, нет такой страны, философские тексты которой были бы сегодня недоступны мне и другим российским исследователям. Но живое общение – совсем другое дело, и даже наблюдение со стороны дает массу впечатлений, позволяя увидеть нечто такое, что остается «за кадром» при простом знакомстве с публикациями. Это и возможность слушать доклады, и задавать вопросы, и почувствовать незримое присутствие философской глобализации.

Сразу бросилось в глаза, что участники конгресса действительно принадлежат к одному и тому же научному сообществу, имеют одни и те же интеллектуальные корни. Французы и мексиканцы, китайцы и немцы, американцы и африканцы апеллируют к одним и тем же именам, часто ставят понятные друг другу проблемы. Среди наиболее ярких и запомнившихся выступлений на конгрессе, хотелось бы отметить следовавшие друг за другом пленарные выступления *Э. Агацци, Д. Кима и Б. Сен-Сермина*. Они были сделаны в самом конце программы конгресса и символизировали

собой некоторый итог, то есть то самое «переосмысление философии сегодня», идея которого было заявлена в титуле конгресса.

Доклад *Агацци* назывался *«Переосмысливая философию науки сегодня»* и представлял собой размышления на тему логики развития философско-научного знания. Последовательно характеризуя несколько основных этапов развития философии науки, Агацци рассуждает о ценностях этой области философии, о ее аксиологических основаниях. С ним, несомненно, перекликается доклад В.С. Степина, в котором анализируется способность философии рождать смыслы, недетерминированные культурой того социума, в котором живет философ. Российский философ также переводит традиционную для философии науки проблематику в аксиологическую и антропологическую сферы. Когерентно данному подходу прозвучало выступление *А.А. Гусейнова*, рассуждавшего на темы культурного смысла утопии и рассматривавшего философию как один из вариантов последней.

Споры об этике не прекращались и в «философском поезде». Особо хотелось бы отметить концептуализацию и тематизацию проблем этики в контексте глобализации, угроз и проблем современности. *А.Н. Чумаков* убедительно и эмоционально пропагандировал, казалось бы, весьма популярные сегодня проблемы теории модерна. Еще на конгрессе в процессе обсуждения на круглом столе прозвучала критика со стороны российских и американских коллег, считавших, что в изучении глобализации слишком мало собственно теоретического, но много анализа и статистики. Я же продолжаю считать, что под титулом глобализации сегодня объединено огромное количество гетерогенных эффектов, большинство из которых связано с последствиями технического развития. Говорить же о едином процессе пока рано, равно как рано утверждать законы или делать прогнозы. Эту мысль разделило немало участников дискуссии.

Профессор *В.В. Мантатов* на конференции в Улан-Удэ *«Этика будущего: аксиология устойчивого развития»* провозгласил целую программу действий, которая, по его мнению, должна создать предпосылки для появления этики будущего. Концептуальные и методологические основания докладчик назвал диалектическим реализмом. Далее он говорил о необходимости создания экологической цивилизации, ценностной парадигме цивилизационных трансформаций. При этом невольно думалось о том, можно ли «написать этику», то есть создать этику, рассуждать о том, какая этика нам нужна. Как-то М. Хайдеггера спросили о том, есть ли у него намерения провозгласить какую-либо этическую систему, на что он ответил, что не знает, от имени какого авторитета это можно сделать. Когда я спросил на байкальском форуме об этом философа из Словении *Тими Ечимовича*, делавшего доклад на тему *«Этика и проблемы окружающей среды»*, он ответил, что достаточным авторитетом

является наука или научная рациональность. Да и вообще, заметил он, проблема авторитета здесь не имеет места. Вопрос о том, достаточно ли страха за свое будущее в условиях возрастания технологических рисков и угроз экологии для того, чтобы появилась новая этика, остается, на мой взгляд, открытым.

Не во всех докладах по философии науки ключевые ее проблемы оказались сведены к этике и антропологии. Активную дискуссию вызвал доклад *«Против законов в специальных науках»* профессора **Д. Кима**, одновременно представлявшего две страны: Республику Корею и США. Основная идея доклада сводится к утверждению, что только физика является наукой, имеющей научные законы в полном смысле слова. То, что эта идея не нова, подтверждалось обилием цитат, приведенных докладчиком. Да и всем тем, кто читает курсы философии науки, методологии, сравнительного науковедения, это хорошо известно. Проблема возможности законов в социальных науках широко обсуждалась в специальной литературе, но именно К. Поппер в свое время смог обозначить ее как центральную, и это позволило сделать ему далеко идущие выводы, касающиеся политических и идеологических споров. Во время доклада профессора Кима складывалось ощущение, что после такого заявления необходимо сделать важные «оргвыводы» относительно теории науки.

Главным объектом критики профессор Ким сделал законы биологической и психологической наук, и ему без труда удалось показать, насколько биологические и психологические законы отличаются по своей строгости и операциональной эффективности от физических законов. Он даже назвал биологию «взрывом на физике», а психологию «взрывом на взрыве», понимая под взрывом что-то вроде спекуляции. Невольно вспомнилась оценка искусства в философии Платона: вещи — это подражание идеям, а искусство — это подражание подражанию.

Киму стали активно возражать сразу же после окончания его доклада. Профессор Агацци сказал, что физика описывает слишком простые предметы — идеальные объекты, но природа сложнее, и физические теории не описывают ее. Испанский философ П. Лопес Лопес обратил внимание на то, что в докладе Кима не было строгого определения научного закона и способ обоснования его концепции далек от научного.

Интересен и актуален был доклад *«Идея ренессанса»* французского философа **Б. Сен-Сермина**. Основной вопрос, стоявший перед докладчиком: можно ли воспроизвести ренессанс или он уникален? Рассматривая исторический контекст, аксиологические и интеллектуальные инициативы европейского возрождения, Сен-Сермин приходит к выводу о неуникальности данного феномена и даже необходимости подобных эффектов в развитии мировой цивилизации. Французский философ делает этот вывод на основе

нетривиальной интерпретации знаменитого закона о трех стадиях, сформулированного О. Контом. Красной нитью сквозь его рассуждения проходит сравнение метафор открытия и сотворения, подражания и инициативы, имитации и свободного действия.

Добравшись домой и делаясь впечатлениями с друзьями, я обратил внимание на то, что ни целостной картины произошедшего, ни даже двух сравнительно обособленных картин — философского конгресса и просветительской акции — у меня не складывается. Сколь ни хотелось бы мне остаться картезианцем, по крайней мере, в процессе суждения, оценки или подведения итогов, перед глазами так и маячит перспектива постмодернистского микширования случайно подобранных фрагментов из увиденного и услышанного, понятого и поставленного под сомнение. Переосмысление философии сегодня, будучи формулой и делом всемирного конгресса, происходило на фоне осмысления российскими участниками своей роли во всемирном философском процессе. Сообщество преподавателей философии из столичных и региональных вузов невольно само оказалось «в лабиринте идентичностей».

Прежде всего, говоря о самом конгрессе, хотелось бы отметить проблему языка, вставшую перед большинством участников российской делегации. Очень трудно делать обобщения на основе собственных наблюдений, но казалось, что все остальные участники свободно общаются по-английски и только для россиян языковой барьер стал фактором, определившим стиль их участия в работе конгресса. Разумеется, среди россиян были и известные ученые, свободно владеющие иностранными языками и имеющие немалый опыт участия в самых престижных специализированных конференциях.

Особенно ярко смотрелись на фоне разворачивающегося действия оригинальные мыслители, не желающие овладевать общепринятыми приемами философствования и современной проблематикой, утверждая свои сколь угодно причудливые идеи и излагая их не менее причудливым языком. Может быть, именно они запомнятся всем участникам конгресса как наиболее интересные репрезентанты отечественной философии — ведь стал же в свое время таким репрезентантом пресловутый русский космизм. Но и те участники конгресса, которые старались следовать академической манере философствования, выглядели как представители иных миров, эпох и цивилизаций. Тут и там звучали голоса в защиту диалектики, исторического материализма, синергетики и системного подхода, что свидетельствовало о сохранении традиций и, одновременно с этим, создавало ощущение «бесконечной патристики».

Для меня и сегодня остается загадкой, надо ли в угоду современности и приобщения к мировому философскому движению объявлять гегелевскую диалектику циркулярной эпистемологией или антифундаментализмом, а диалектический материализм представлять

как одну из разновидностей реализма? Кто-то более продвинутый и удачливый отвоевал себе право давать имена предметам, и российским философам остается только оправдываться и доказывать свое право на участие путем перевода собственных концептуализаций на более привычный язык? И что даст подобное приобщение, кроме гарантированного отставания и закрепления за собой изначально маргинальных позиций. Помнится, как на секции философии языка выступали представительницы Турции и Индии с докладами о философии Д. Остина, и было ясно, что их вовлечение в мировой философский процесс произошло с жестким соблюдением иерархии. Сегодня они все еще в роли прилежных учеников, но могут превратиться в учителей, если российские философы в массе своей овладеют не только языками, но и продвинутся в умении формулировать проблемы в духе Остина, заговорят в манере Остина и т.п.

А может быть оставить амбиции на полновесное участие в развитии мировой философии, сочтя их необоснованными, и поставить перед собой задачу освоения новейших технологий мысли? Именно эту точку зрения высказывали иностранные участники: экс-президент Международной федерации философских обществ Иоанна Кучуради (Турция) и рядовой член ее правления Тома Кальво-Мартинес (Испания) во время поездки по Транссибу. Философия универсальна и состоит в высказывании разных точек зрения, говорили они, и наличие единых оснований позволяет прийти к истине. Проблема не в том, чтобы искать эти основания, а в том, чтобы выучить общий для всех язык, например английский. Все, что выходит за рамки так понятого рационализма, Кучуради отнесла к постмодернизму и отвергла как неприемлемое. Универсалистский, по своей сути, проект философского познания мира, восходящий своими истоками к античности, может и должен быть продолжен. Все рассуждения об уникальности или самодостаточности какой-либо из национальных или цивилизационных философских традиций если и допустимы, то исключительно в ретроспективном плане. В том-то и состоит цель объединения всех философов в единый философский интернационал, что особенно актуально в условиях глобализации.

В этой связи вспомнились требования последних лет, формирующие новую вертикаль критериев оценки научного вклада исследователей-гуманитариев: публикации в зарубежной периодике, жестко ранжированной посредством коэффициента цитируемости, публикации в журналах издательства «Наука», публикации в журналах из «перечня ВАК», просто публикации и т.д. Действительно, оценка вклада в науку, даваемая зарубежными экспертами, представляется значительно более объективной, не говоря уж о ее самостоятельной ценности. Но для того, чтобы ее заслужить, недостаточно просто выучить язык и с его помощью представить свои идеи, сделать их доступными для понимания. Но что последует за этим?

Когда-то советологи разбирались в советском марксизме, писали о нем целые книги, рассматривали его не только как идеологическое оружие, но и как стиль мышления своего врага. Взгляды индивида рано или поздно начинают следовать за его риторикой, а в случае коллектива или целого общества это положение еще более верно. Но всестороннее изучение идеологии предполагало рассмотрение философских идей, религиозных и иных культурных влияний, что невольно поддерживало интерес к марксизму как интеллектуальному феномену. Выходило множество книг, подобных «Диамату» Ю. Бохеньского. То, что я увидел и услышал на конгрессе, показало, что интерес к современной российской философии заметно ослаб. Часто после объявления российского докладчика большинство европейцев и североамериканцев уходило на другие секции. Думается, что дело здесь не столько в негативном или позитивном отношении к России и ее философии, а в отсутствии самого такого отношения. Оторвавшись от своих традиций, будь то религиозный идеализм или диалектический материализм, российские философы испытали колоссальное влияние прежде малодоступных текстов, овладели идеями, оперировать которыми можно было лишь в критически-негативном контексте. Но они, за редким исключением, не примкнули к уже существующим в западных странах школам, а стали мыслить самостоятельно и автономно, ставя и решая проблемы, которые в пространстве мировой философской мысли или не возникали, или формулировались качественно иным образом. Деятельностный подход, проблематизация рациональности и включение данного термина в профессиональный вокабуляр, освоение феноменологии, герменевтики, семиотики, структурализма привели к существенному изменению языка и канонов философствования, изменили облик философского сообщества. Но при этом совершенно неожиданно исчезла та самая добрая воля к пониманию, ужесточились требования, никто больше не собирается внимательно выслушивать и вникать, ибо не уверен в существовании в современной российской философской мысли чего-то ценного и интересного. Теперь уже надо доказывать в каждом конкретном случае свою интересность.

О русской философии говорить, может быть, и интересно, но и там не стоит ждать новых откровений от русских. Точно также есть интерес к древнекитайской, буддистской или древнеиндийской философии, но изучать ее можно уже без современных китайцев, японцев или индусов. Современная же китайская философия является марксистской, постмарксистской или находящейся в стадии усвоения достижений западной философии. Именно через нее современные китайцы узнали о древнекитайской философии как о философии, именно на ее языке они научились описывать этот уникальный феномен собственной духовной истории. Отвоевать себе место

под солнцем, занять его собственной проблематикой и привлечь внимание мирового философского сообщества в таких условиях — задача непростая, особенно, если российские философы начнут говорить, писать и думать на английском языке.

Во многом мои оценки подтверждались вторым этапом «большого пути» — семинарами и круглыми столами, проводившимися во время самой поездки. Так, встречавший «философский поезд» во время остановки в Новосибирске проф. В.В. Целищев заявил о необходимости перевода ряда ведущих философских журналов на английский язык, что сразу же сделает идеи и изыскания российских философов доступными для большинства философов мира. Если эта идея будет воплощена в жизнь, то будет крайне интересно узнать, насколько переведенные тексты заинтересуют философов из других стран и насколько они послужат источником столь важного в наши дни цитирования.

Но прежде чем искать признания в мировом масштабе, надо добиться общественного признания в своей стране. Отсюда и вторая небезынтересная тема — интерес к философии в самой России. Мне показалось, что в Корее философы встроены в научную, интеллектуальную и общественную жизнь страны значительно более органично. На открытии конгресса в Сеуле присутствовал премьер-министр Республики Корея, затем появлявшийся еще дважды на различных официальных мероприятиях конгресса. Мэр Сеула дал торжественный вечер, хотя от его имени участников приветствовал его заместитель. Достаточно большой интерес к данному событию был проявлен со стороны корейской прессы и телевидения.

Из бесед и интервью с организаторами конгресса мне стало ясно, что представители философского сообщества являются признанными участниками того научного и экономического развития, которое определяет лицо нынешней Кореи: убеждать в необходимости фундаментальной науки для развития высоких технологий и эффективной экономики им никого не надо. В российской действительности, как мне кажется, ситуация несколько иная. И хотя мой личный опыт, как впрочем, и любой другой частный опыт, несомненно, является ограниченным, наблюдаемая доля скептицизма по отношению к философии в России существенно выше. Во многом это объясняется тем, что современная российская философия все еще находится в стадии становления, она все еще постсоветская, посткоммунистическая, ищущая свое лицо, формирующая свои институты. С большим трудом и неясным исходом реформируется система образования. Общественность только начинает осмысливать сложившуюся ситуацию в системе высшей аттестации кадров, по-новому определяется топология философской периодики. Все эти процессы предопределяют будущее российской философии, ее способность найти себя в противоречивых процессах современности.